

Рассказ

Утром ветер усилился. Вихрь, словно одичалый конь, неся по-над Манычем, срывал шапки снега с курганов, заметал дороги и балки. От завывания в печной трубе, дробного стука комочков земли в окно становилось тревожно на душе. А что делается в степи, на кошаре Позднякова, которая стоит на возвышенности и открыта всем ветрам? Нужно побывать у Позднякова. Но ехать не на чем. Дежурный гусеничный трактор три дня стоит поломанный.

Я потуже завязал ушанку, откинул ворот полушубка и дернул на себя дверь. Метель ворвалась в сенцы, ударила о дверь комнаты. На улице ветер подхватил меня, зло трепанул полы полушубка, ударил колючим снегом и землей в лицо. Я пошел напрямик, то и дело проваливаясь в сугробы.

До кошары Позднякова от центральной усадьбы—пять километров. По хорошей погоде мне вполне хватало часа, чтобы дойти до нее, сейчас, по расчетам, я должен был добраться за полтора часа. В том, что даже в метель найду кошару, сомнений не было — весь наш черноземельский участок я знал так же хорошо, как и содержимое своей ветеринарной сумки. Но, перейдя широкую лощину, лежащую перед кошарой, я не попал на чабанское зимовье. Бросался из стороны в сторону, вглядывался в снежный круговорот, надеясь увидеть какую-нибудь знакомую примету, но дальше пяти шагов ничего не рассмотришь. Я чувствовал: давно прошли полтора часа,

а кошара как будто пропала. Мной овладевала то тревожная растерянность, то неуместная веселость. Вот это да! Не найду кошару, на которой бывал чуть ли не каждый день! И вдруг слух мой уловил стук, будто удары деревянного молотка. Он доносился со стороны лощины. «Наверное, высоко взял», — мелькнула мысль. Я побежал на стук. И сразу же наскочил па огромный снежный бархан: это была чабанская землянка. Наружная дверь беспризорно хлопала. Здесь похозяйничала метель: со стен сорвала плакаты, запорошила все снегом.

Я выскочил на улицу, привязал проволокой дверь, чтобы она не открывалась, и метнулся к кошаре. То, что я увидел здесь, заставило меня вздрогнуть. Ни овец, ни людей. Одну сторону база, сложенную этой осенью, разворотило до основания. Все случилось, видимо, утром, когда чабаны выпустили овец на кормежку.

Нужно идти на помощь. Но где искать? Единственное, что я знал, — овцы не пойдут на ветер.

А метель расสวิрепела еще сильнее. Ветер сбивал с ног. Я поднимался и, не стирая снега с лица, шел дальше. С каждым шагом силы оставляли меня.

— Может, вернуться, забрать бригадира и всех, кто с ним, и идти вместе? — вдруг проговорил я и тут же устыдился своих слов. Что, трусил? А они не выбирали! Я огляделся вокруг, будто кто-то мог меня подслушать, и пошел бодрее. А ветер не унимался. Казалось, еще один порыв, и меня

поднимет в воздух, закружит, как снежинку, и бросит на лед Маныча. Я уже не разглядывал по сторонам — болели глаза от ветра и снега. Неизвестно, сколько бы еще брел по дико бушующей степи, если бы не наткнулся на кошару калмыка Бадмы.

Она стояла километрах в шести от кошары Позднякова. Здесь мне приходилось бывать часто. Бадма хороший человек, приветливый, ему седьмой десяток. Если спросишь, когда он начинал чабановать, старик погладит клинышек бороды, улыбнется. «Моя не начинал», — скажет. И этому можно верить. Предки Бадмы водили отары по пустынным степям. Бадма родился в чабанской кибитке. И с того времени, когда он сделал первые самостоятельные шаги, его жизнь была связана с животными. Из года в год он впитывал в себя навыки по уходу за овцами от отца, который так же учился у своего отца. Бадма большой знаток чабанского дела. К нему часто приезжают люди, больше за советом, а кто просто послушать забавные истории, которых старик знал превеликое множество.

Я обрадовался, что попал к Бадме: что-нибудь посоветует. Держась по-над крепким базом, пробрался к невысокому глиняному домику. Только ступил на порог — открылась дверь. В сенцах стоял Баир, помощник Бадмы. Маленькие его глазки глянули на меня с нетерпеливым ожиданием и тут же погасли, стали равнодушными. Я взял его за руку.

— Баир, что случилось? Почему не встречает Бадма? Ведь он всегда первым выходит к гостю?

Баир трудно сглотнул слюну и молча кивнул на дверь. Я вошел в комнату.

Тетушка Саглар, жена Бадмы, на мое приветствие только чуть наклонила голову и тут же повернулась к топчану. На нем, закутанный в старые ватники, лежал Бадма. Глаза его казались неподвижными, клинышек бороды, словно пучок завянувшей травы, обмяк. Я вздрогнул — да не мертв ли Бадма? И тут же приблизился к нарам, наклонился

над стариком.

— Никола! — узнав меня, вымолвил Бадма. — Каким ветром тебя занесло?

— Беда, Бадма, овцы ушли у Позднякова и чабаны с ними, — выпалил я и сразу пожалел об этом, потому что старик зашевелился и попытался встать. Тетушка Саглар, всегда такая добрая, недовольно глянула на меня.

— Плохо, очень плохо, Никола, — забеспокоился Бадма. — Пропадешь в такой погода, а овца не найдешь, — он уронил голову на подушку, и лицо его снова сделалось неподвижным.

Мне больше не хотелось тревожить больного, и я, кивнув на прощанье тетушке Саглар и Баиру, направился к двери. Баир — следом.

— Прости, — сказал он в сенцах, — Бадма очень больной. Вчера Ока пошел за доктором. Я жду его, а он не идет.

Я попрощался с Баиром и вышел на улицу. Метель по-прежнему плясала вокруг меня. Не успел отойти от дома и двадцати шагов, как услышал, что меня окликнули. Остановился. Тяжело ступая, ко мне приблизился человек в огромном тулупе. Как же я удивился, когда из-за высокого воротника выткнулся клинышек бороды Бадмы.

Он пригнул край воротника, и мне стало видно все его лицо — исхудавшее, бледное, но узкие глаза живо поблескивали, а тут еще Бадма улыбнулся мне. «Не усидел, сбегал с кровати», — подумал я, но не успел слова сказать. Бадма, словно окаменел, даже яростный ветер не смог сдвинуть его. Бадма к чему-то прислушивался. И вдруг, даже не сделав мне знака, пошел в степь. Метель его поглотила. Я с трудом догнал старика. Бадма шел, к моему удивлению, быстро, иногда останавливался, разгребал руками снег, что-то высматривал на мерзлой земле. Так продолжалось довольно долго. Я начал беспокоиться за Бадму — не случилось бы с ним чего. Почему не вернули его? Нужно сделать это сейчас же. Я протянул руку, чтобы задержать старика, но он резко свернул в сторону. Я едва не утерял его из виду.

Спустились в глубокую впадину, прошли мимо обледенелых кустарников, и тут я увидел под обрывом десятка три овец. Бадма не задержался, шел дальше. Вскоре послышался простуженный голос Позднякова.

Чабаны обрадовались нашему приходу, пошли расспросы, как это я их разыскал в таком снежном крошечке и что делать дальше. Бадма стоял поодаль, улыбался и поглаживал заледеневший клинышек бороды. Я был настолько тронут поступком старого чабана, кто превозмог болезнь и пошел сквозь метель на выручку, что подошел к нему и крепко обнял.

— Спасибо тебе, Бадма, друг!

— Ага, ага, друг,— закивал головой калмык и, довольный, засмеялся.— А теперь айда на мой кошара,— и направился к сбившимся в кучу овцам.

Сквозь вой метели послышался храп лошади, и через минуту около нас остановились пароконные сани. Из них выпрыгнул Ока и незнакомый мужчина. Наверное, доктор.